„Пров 4
LA BIOGRAPHIE DE A. JELABOV
Par M. DRAGOMANOV

# КЪ БІОГРАФІИ
# А. П. ЖЕЛЯБОВА

(Отдѣльн. оттискъ изъ «Вольнаго Слова» №№ 39 и 40)

Мы только что получили небольшую, но очень интересную брошюрку: «Андрей Ивановичъ Желябовъ». (Складъ у H. Georg. Corraterie, Genève. Ц. 1 фр. Сборъ въ пользу «Краснаго Креста Народной Воли»). Какъ видно изъ объявленія на оберткѣ, брошюрка эта есть первый выпускъ изъ цѣлой серіи: за нею обѣщаются — біографіи Софіи Перовской и Николая Кибальчича. Сюда слѣдуетъ прибавить и біографію Гриневецкаго, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ «На Родинѣ». Это стремленіе русскихъ революціонныхъ кружковъ къ изданію біографій своихъ извѣстныхъ дѣятелей ка-

жется намъ явленіемъ характеристическимъ. Независимо отъ чисто товарищескаго желанія почтить память близкихъ лицъ, мы видимъ здѣсь стремленіе отдать отчетъ обществу въ своей работѣ и жизни, а также выяснить свои собственныя идеи и цѣли, посредствомъ взгляда на недавнее прошлое, и тѣмъ и другимъ выйти изъ тѣсныхъ и партіонныхъ рамокъ на широкое общественное поле. Само собою разумѣется, что послѣднее возможно только при полной искренности и фактичности историко-біографическаго изложенія.

Въ этомъ отношеніи, надо сказать, что брошюрка о Желябовѣ, равно какъ и біографическая статейка о Гриневецкомъ, производятъ самое пріятное впечатленіе. Не велико количество разсказанныхъ въ нихъ фактовъ, но вы чувствуете вполнѣ ихъ жизненную правдивость; живыя детали не только не пожертвованы ради кружковыхъ и партіонныхъ формулъ и соображеній, но часто прямо противорѣчатъ многому изъ того, что еще недавно выдавалось за догматы партіи, къ которой принадлежали герои названныхъ біографій, и что, будучи указы-

ваемо лицами, не принадлежавшими къ кружкамъ, принималось съ явнымъ раздраженіемъ въ этихъ кружкахъ*). Когда съ такою же искренностью (но съ большею полнотою) будутъ изданы біографіи десятка—другаго лицъ изъ числа русскихъ революціонеровъ, тогда, конечно, можно будетъ сдѣлать очень интересныя обобщенія. Пока двѣ изданныя біографіи интересны въ особенности потому, что показываютъ фатальность перехода русскихъ соціалистовъ-пропагандистовъ въ политики-террористы, а біографія Желябова даетъ намеки и находъ сложенія въ средѣ этихъ послѣднихъ якобинско-централистическаго направленія, которое, по нашему глубокому убѣжденію, кончитъ тѣмъ, что принесетъ страшный вредъ прежде всего самимъ русскимъ революціонерамъ.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ одинъ документъ, который можетъ способствовать

*) Таковы, напр., въ брошюрѣ о Желябовѣ страницы о «конституціонализмѣ» Ж—ва (10, 26), объ искренности предательства Гольденберга (21—22), о разногласіяхъ между «землевольцами», о противорѣчіяхъ въ ихъ программахъ и т. д.

уясненію какъ личности Желябова, такъ и хода развитія его близкихъ, а также ихъ политическихъ идей и желаній, — а потому теперь, послѣ напечатанія брошюры о немъ, мы считаемъ возможнымъ напечатать его почти цѣликомъ, съ исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ находятся слишкомъ личныя указанія. Это письмо къ намъ Желябова, полученное нами лѣтомъ 1880 г. и изъ котораго мы уже привели разъ небольшую выдержку въ одной изъ главъ «Историч. Польша и Великорусская Демократія». Вотъ это письмо:

«Понедѣльникъ, 12 мая (1880 г.)

Многоуважаемый
Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ Х. и У. Сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой..... Программа журнала

«Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то дѣйствительность»? спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движенье не унялось; только пріемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго соціализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулася украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства, замыслила цѣлый рядъ предпріятій на пользу ридной Украины. Въ эту зиму вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣнъ!... Взять хоть бы этотъ уголокъ — ..... Я видѣлъ разцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанья. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока — обще-русскій и украинскій; не федерація, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики

выгодой легальнаго положенія; медлили покинуть насиженныя гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди; погибли начинанья. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ? нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпощадныхъ? То остатки народниковъ революціонеровъ начали наступленье, но ужъ по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ — на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосягаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствію въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ на-

денія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ—таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутр. политикѣ. Въ разсчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованья; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пущему разочарованью. Какой удобный моментъ для подведенія итоговъ! А между тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два три толчка, при общей поддержкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ общества, всегда дряблаго, многаго требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практическій исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на

неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организаціонными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполнѣ или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народн. Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня род-

ной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ... за Учред. Собр. Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учр. Собр. въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши фенiи, Парнелль? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасенье въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учр. Собр. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общеизвѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріалъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современ-

наго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Н. В.») по паролю, зашифрованному ниже ключемъ, Вамъ извѣстнымъ*)...»

Письма этого нельзя оставить безъ нѣкоторыхъ объясненій. Прежде всего мы должны замѣтить, что Желябовъ не совсѣмъ точно передаетъ сущность отношеній

---

*) Ключъ этотъ оказался намъ неизвѣстнымъ. Вѣроятно, онъ былъ переданъ намъ, при другомъ случаѣ, да не дошелъ. Подобное случалось не разъ.

М. Д.

своего кружка съ тою изъ украинскихъ громадъ, которую онъ зналъ. «Единство», о которомъ онъ говоритъ, никогда не имѣлось въ виду этою громадою, а именно имѣлась въ виду только «федерація». Единство невозможно ни для какого украинскаго кружка ни съ какимъ «русскимъ кружкомъ», ни партіей до тѣхъ поръ, пока русскіе кружки не откажутся отъ теоріи единства Россіи и не признаютъ украинскій народъ націей, совершенно на равной ногѣ съ великорусской, польской и т. п. со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Кромѣ того, не только единство, но даже тѣсный союзъ между русскими и украинскими кружками затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе кружки могутъ вполнѣ удовольствоваться дѣятельностью въ предѣлахъ русскаго государства, Россіи, тогда какъ украинцы должны дѣйствовать и въ Австріи, — для чего необходимы, конечно, и силы, и средства, затрата которыхъ «русскимъ» всегда кажется лишнею. По этимъ и по другимъ еще причинамъ, вытекающимъ изъ различія положенія населенія великорусскаго и украинскаго, между

«русскими» и украинскими кружками возможна именно только федерація, — т. е. условная взаимная помощь, преимущественно для самозащиты отъ общаго врага и для борьбы съ нимъ, а также для достиженія ближайшей общей цѣли. Такимъ врагомъ является русское самодержавіе (одинъ изъ враговъ украинскаго населенія),—а такою цѣлью (одна изъ украинскихъ цѣлей) — политическая свобода въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, въ такомъ смыслѣ заявляла (въ 1878—79 г.) готовность къ федераціи съ русскими революціонерами и та громада, о которой упоминаетъ Желябовъ. Но практическое осуществленіе такой федераціи замедлялось, какъ желаніемъ со стороны русскихъ «единства, а не федераціи только», такъ и тѣмъ, что въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, разные русскіе кружки говорили не отъ себя только, а непремѣнно отъ имени всей русской соц.-рев. партіи, при всѣхъ несогласіяхъ и даже противурѣчіяхъ стремленій и идей каждой изъ нихъ (которыя теперь выступаютъ наружу и въ такихъ, напр., публикаціяхъ, какъ біографія Желябова), — такъ

что нерусскимъ, украинцамъ, трудно было опредѣлить, съ кѣмъ-же и съ чѣмъ собственно они могутъ федерироваться. Въ данномъ же случаѣ между тою украинскою громадою, о которой идетъ рѣчь, и многими русскими кружками, которые тогда заявляли себя въ революціонной дѣятельности и въ печати, существовали и теоретическія разногласія. Такъ, напр., украинцы не могли присоединиться къ такому «народничеству», такому «агитированію на почвѣ народныхъ требованій», какое выразилось въ чигиринскомъ самозванствѣ (построенномъ, между прочимъ, на основѣ болѣе великорусской, нежели украинской), которое тогда было восхваляемо въ южныхъ русскихъ кружкахъ (см. между прочимъ въ брошюрѣ о Желябовѣ, стр. 15) и въ «Землѣ и Волѣ»*).

*) Въ письмѣ Ж. намѣчено, какъ въ русскихъ кружкахъ «научный соціализмъ» смѣнился «народничествомъ». Украинскіе соціалисты, напротивъ, представляютъ выходъ изъ украинофильскаго народничества къ европейско-научному политическому и соціальному направленію. Направленіе это, конечно, обязываетъ сообразоваться съ особенностями страны и населенія, но не подчиняться имъ до нарушенія н а у ч н ы х ъ принциповъ.

Не соглашалась упомянутая украинская громада также признать тайныя убійства шпіоновъ, предателей, чиновниковъ и т. п. дѣломъ принципіальнымъ и партіоннымъ, а не случайнымъ, которое слѣдуетъ брать на чисто личную совѣсть, — и признавала изъ дѣйствій оружіемъ принціальными дѣлами только открытую самооборону и такое же нападеніе на политическую власть. Вопросъ о цареубійствѣ тогда не былъ еще поднимаемъ въ опредѣленной формѣ, но за сказанными сейчасъ ограниченіями, въ украинскихъ кружкахъ могло бы встрѣтить себѣ дѣятельное и систематическое сочувствіе только такое покушеніе на царя, какъ нападеніе Березовскаго, который (прямо) поднялъ руку не только на тирана вообще, но и на тирана своей родины, — такъ какъ только такое тираноубійство, мотивированное извѣстными прокламаціями къ украинскому населенію и рѣчами на судѣ, дѣйствительно могло бы произвести глубокое впечатлѣніе на это населеніе*).

---

*) Читая біографію Ж—ва, видишь, какъ и на него имѣли вліяніе и украинская кровь съ мате-

Вотъ главныя причины, которыя заставляли украинцевъ «медлить покинуть насиженныя гнѣзда» и пристать въ то «единство», котораго желалъ Желябовъ. А что они далеко «не соблазнялись легальнымъ положеніемъ», это подтверждается и словами письма: «и погибли славные люди и начинанья» (вѣрнѣе—продолженія), погибли, впрочемъ, надѣемся, далеко не окончательно.

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ письма Ж—ва. Намъ нѣсколько совѣстно печатать строки, въ которыхъ попадаются не въ мѣру любезныя относительно насъ слова, но читатель видитъ, что ихъ трудно выкинуть изъ фразъ, выражающихъ мысли и желанія самого автора письма и его друзей. Для

---

ринской стороны (отъ казачки Полтавской губерніи. Кстати скажемъ издателямъ біографіи, что въ Херсонской губ. малор. казаковъ нѣтъ, а есть они только въ Черн. и Полт.) и впечатлѣнія украинской поэзіи и исторіи. Но между товарищами Ж—ва были и болѣе чистые украинцы,— и ни одинъ изъ нихъ ни въ печати, ни въ публичной рѣчи не вспомнилъ своей родины и своего народа! Таково давленіе въ данномъ случаѣ не одной оффиціальной школы, но и унитарныхъ доктринъ русскихъ «оффиціальныхъ соціалистовъ», употребляя выраженіе Желябова!

полной характеристики тѣхъ и другихъ мы должны прибавить нѣкоторыя объясненія особенно къ тому, что не совсѣмъ ясно разсказано въ письмѣ или на что сдѣланъ только намекъ, который долженъ былъ развить податель письма.

Особенно требуетъ объясненій в т о р о е предложеніе, которое дѣлалъ намъ Ж—въ по порученію товарищей. Это предложеніе и есть центральный пунктъ всей послѣдней половины письма Ж—ва. Ж—въ очень хорошо понималъ необходимость литературной пропаганды идей его группы (какъ ни странно, а приходится отмѣчать это пониманіе, какъ похвальную черту въ русскомъ дѣятелѣ) въ Россіи и даже передъ заграничной публикой (послѣднее тоже надо поставить въ особую похвалу Желябову, какъ русскому дѣятелю). Но съ этой стороны группа «русскихъ соціальныхъ революціонеровъ», поставившая себѣ цѣлью добиться въ Россіи политической свободы, или даже «конституціи», — была въ 1879—1880 г. въ очень странномъ положеніи, особенно передъ заграничной публикой. Она здѣсь не имѣла вовсе своихъ прямыхъ представите-

лей. Большинство русской эмиграціи этого времени состояло: а) изъ старыхъ «соціаль-демократовъ» (цвѣта «Впередъ»), которые слишкомъ долго боролись, вслѣдъ за своими нѣмецкими образцами, съ либералами, «изъ за классовыхъ интересовъ»*), а въ то же время слишкомъ горячо полемизировали противъ всякаго «бунтарства», чтобъ стать на сторону «конституціонализма» людей въ родѣ Желябова и въ то же время ихъ «терроризма»; б) изъ старыхъ «анархистовъ», которые нѣкогда въ своихъ органахъ сочувственно относились къ «бунтарству», «пропагандѣ фактами» и т. п.,—но съ полнымъ отвращеніемъ смотрѣли на всякую «политику»; тѣ изъ нихъ, которые писали и говорили публично по французски, слишкомъ усердно доказывали, что всякое государство, даже и швейцарская федеративная республика, такая же тираннія, какъ и россійская деспотія, чтобъ стать, по крайней мѣрѣ сразу, искренними защитниками народовольческихъ требованій «учредительнаго

*) Сравни эту борьбу съ идеями Ж—ва, изображенными на стр. 10 его біографіи.

собранія». (Одинъ изъ видныхъ людей этой категоріи имѣлъ откровенность прямо сказать одному изъ наиболѣе зараженныхъ «политическими новшествами» землевольцевъ, приглашавшему кой-кого изъ эмигрантовъ писать въ «Землю и Волю» послѣ лѣта 1879 г., что писать онъ не будетъ, такъ какъ онъ провидитъ въ новѣйшихъ «политикахъ» — «будущихъ нашихъ враговъ»); с) изъ «чернопередѣльцевъ», только что явившихся послѣ напечатанія 1 № ихъ журнала* съ полемическими замѣчаніями противъ «политиковъ», замѣчаніями, которыя станутъ теперь болѣе понятными послѣ брошюры о Ж—вѣ *).

---

*) Была еще одна группа въ эмиграціи, т. наз. набатчиковъ, въ числѣ которой находилась и довольно замѣтная литературная сила, которая могла бы очень пригодиться въ революціонной публицистикѣ именно новѣйшаго народовольскаго направленія. Группа эта не переставала говорить еще съ 1874 г. о необходимости активной политической борьбы противъ русскаго правительства, но примѣшивала въ свои писанія крайне несимпатическіе пріемы, такъ, что вызвала противъ себя почти общее нерасположеніе въ средѣ русскихъ революціонеровъ. Оно выразилось, между прочимъ, заявле-

Правда, что въ парадныхъ случаяхъ всѣ эти категоріи говорили о «мужественныхъ борцахъ противъ русскаго царизма», какъ о своихъ братьяхъ, а въ такія минуты, какъ, напр., время ареста Гартмана въ Парижѣ, и классовые противники всякой буржуазіи, и анархисты, и народники бросались и къ «буржуа» Клемансо, и даже къ «диктатору» Гамбетѣ и M-e Adam, напоминали французамъ 1789 г., а швейцарцамъ Теля (мифическаго) и республику, — но отъ этого туманъ представленій о томъ, чего же собственно добиваются русскіе революціонеры, едва ли даже не усиливался, — и Желябовъ совершен-

---

ніемъ, напечатаннымъ въ 8 — 9 № «Общины», о томъ, что «у русскихъ соц.-революціонеровъ ни съ издателями «Набата», ни съ теоріями, которыя они проводятъ, ничего общаго быть не можетъ». (Подписано: Ив. Бохановскій, Л. Дейчъ, Вѣра Засуличъ, Сергѣй Кравчинскій, Яковъ Стефановичъ). Интересны между прочимъ въ этомъ заявленіи слова, — что русскіе революціонные «кружки не подчинены никакой центральной власти; они организованы на началахъ федеративныхъ и признаютъ основнымъ принципомъ своихъ убѣжденій, что освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». (Курс. подл.)

но былъ правъ, когда писалъ намъ, что «комментаторами стремленій его партіи за границей являются лица, отрицающія ихъ вполнѣ или въ значительной степени».

Между тѣмъ группа русскихъ «террористовъ» все больше и больше заставляла говорить о себѣ и З. Европу. Въ печати этой послѣдней тоже не было органовъ, которые бы могли стать «комментаторами» дѣйствій и стремленій группы. «Народовольцы» продолжали называть себя «соціально-революціонной партіей», а потому вся несоціалистическая печать въ Европѣ смотрѣла на нихъ, какъ на чужихъ и даже враговъ. Имя же «нигилистовъ», которое давали русскимъ революціонерамъ и употребленіе котораго поддерживали даже нѣкоторые изъ русской эмиграціи, еще болѣе отталкивало отъ нихъ европейское общественное мнѣніе, даже въ весьма радикальныхъ кругахъ. Изъ органовъ соціалистическихъ, изданія соціаль-демократовъ, преимущественно нѣмецкихъ, съ которыми были связи и у русскихъ соціаль-демократовъ, открещивались всѣми силами отъ русскаго

терроризма и нигилизма и по временамъ даже ругали ихъ довольно неприлично. Органы же анархическіе, преимущественно французскіе, (а также бланкистскіе, съ которыми, собственно, ничего общаго не должны бы имѣть анархисты) восхваляли русскихъ террористовъ, называя ихъ своими братьями и ставили ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, и тѣмъ, конечно, возбуждали противъ этихъ «русскихъ братьевъ» всю свою сколько нибудь умѣренную публику, которая опасалась, что динамитный способъ политической борьбы появится и въ европейскихъ конституціонныхъ странахъ и республикахъ. Сгоряча иные заграничные панегиристы русскихъ «нигилистовъ» (друзья ихъ такъ и называли!), желая представить своихъ братьевъ людьми рѣшительными и повсемѣстными, повторяли о нихъ всѣ выдумки и даже клеветы русскихъ и заграничныхъ консерваторовъ и даже просто досужія фантазіи газетчиковъ (преимущественно австрійскихъ), приписывая имъ разныя дѣянія до поджоговъ городовъ и крупныхъ кражъ и вымогательствъ денегъ. Тѣ русскіе эмигранты, которые принимали участіе въ загра-

ничной соціалистической печати и собраніяхъ (преимущественно анархическаго направленія) поставили себя въ еще болѣе ложное положеніе, чѣмъ масса эмигрантовъ: по чувству товарищества и по другимъ соображеніямъ, они заявляли свою солидарность съ «братьями, борящимися въ Россіи», но въ то же время скрывали отъ своихъ западно-европейскихъ единомышленниковъ и тѣ противныя западно-европейскимъ теоріямъ и практикѣ пріемы, къ какимъ прибѣгали русскіе народники (въ родѣ самозванщины), и тѣ раздѣленія, какія обнаружились въ русскихъ соціалистическихъ кругахъ, когда жизнь поставила передъ ними политическій вопросъ, уже порѣшенный въ Европѣ еще до отдѣленія соціалистическихъ партій отъ партій либеральныхъ,—и, наконецъ, то, что ближайшія политическія требованія русскихъ террористовъ въ сущности сводятся къ программамъ европейскихъ буржуазныхъ либераловъ или же якобинцевъ-государственниковъ, а дальнѣйшія—къ программамъ соціалистовъ-государственниковъ, т. е. во всѣхъ трехъ случаяхъ къ программамъ партій, съ которыми соціалисты-анархисты такъ оже-

сточенно борятся на западноевропейской почвѣ. *)

---

*) Когда, по убіеніи Александра II, скрыть многое стало невозможнымъ, такъ какъ во всѣхъ газетахъ напечатаны были прокламаціи Исполнительнаго Комитета и письмо его къ Александру III, тогда одна французско-швейцарская анархическая газета (которая таки скрыла отъ своей публики слишкомъ уже московско-народническія фразы прокламаціи И. К. къ крестьянамъ о «царѣ—добромъ пастырѣ») перепечатала и самое письмо къ А-ру III, но нашлась довольно неловко, придавая этому письму значеніе только ловкаго пріема. «Конечно, говорила эта газета, — если бъ И. К. писалъ для нашихъ секцій Интернаціонала, то онъ бы не написалъ того, что онъ написалъ А-ру III. Тамъ пишутъ для нуждъ борьбы, а не пропаганды. Для пропаганды они даютъ свою кровь: надо жъ имъ дать волю употреблять, какъ они хотятъ, чернила. Документъ, который мы опубликовали въ послѣднемъ №, есть образецъ такта и политики, пріобрѣтенной этой молодой партіей дѣйствія... За чѣмъ требовать много, когда знаешь навѣрно, что царь не дастъ ничего? Если бъ было хоть малѣйшее сомнѣніе, что царь дастъ что нибудь, то это было лучшимъ резономъ не просить у него ничего»... («Le Révolté», 1881, № 5). Это писалось какъ разъ въ то время, когда реакціонеры въ Россіи и Европѣ говорили, что Исп. К. надѣваетъ овечью шкуру, чтобъ морочить людей, а что послушайся его царь и созови земскій

Можно себѣ представить, какой, при вышеизложенной разноголосицѣ политическихъ мыслей разныхъ группъ въ эмиграціи и въ Россіи и при манерѣ каждой изъ нихъ говорить непремѣнно за цѣлую «русскую соціально-революціонную партію», долженъ былъ образоваться у публики, особенно западной, туманъ понятій на счетъ настоящихъ стремленій русскихъ революціонеровъ вообще, и новой, наиболѣе активной фракціи ихъ въ особенности, и какъ этотъ туманъ былъ выгоденъ для русскаго правительства и реакціонеровъ въ Европѣ. Желябову и его ближайшимъ друзьямъ дѣлаетъ величайшую честь то, что, при всѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ они жили, и при всей фактической оторванности

---

соборъ съ разными либеральностями, такъ волки И. К. не только «палить не перестануть», а еще пуще начнутъ.—Какъ характерное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ новѣйшихъ статьяхъ русскихъ эмигрантовъ для европейской публики, напр., въ статьѣ кн. Петра Кропоткина въ «Fortnightly Review», письму Исп. К. къ Александру III-му придается значеніе вполнѣ серьезнаго, искренняго документа, а не только ловкаго пролитія чернилъ.

отъ западной Европы, въ какой живетъ средній россійскій дѣятель, — они все таки поняли настоятельную необходимость разсѣять этотъ туманъ передъ публикой не только въ Россіи, но и въ З. Европѣ и пожелали имѣть вѣрнаго «комментатора» своихъ стремленій и дѣйствій въ этой послѣдней.

Но выборъ этаго «комментатора» въ нашемъ лицѣ былъ очень не удаченъ,— какъ это мы откровенно и заявили подателю письма Желябова.

Въ поясненіе словъ письма: «Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе въ Европѣ въ нашу пользу» — податель письма сказалъ намъ, что Ж—въ желалъ бы, чтобъ мы писали на какихъ либо иностранныхъ языкахъ статьи о настоящихъ стремленіяхъ его группы, указывая на связь этихъ стремленій съ общеевропейскими идеями и обращая вниманіе на то, что въ настоящее время группа эта добивается того minimum'а человѣческихъ правъ, политической свободы, безъ которой ни одно европейское общество уже не можетъ представить себѣ своего существованія. Въ

особенности просилъ податель письма Ж—ва противудѣйствовать приложенію къ его группѣ клички «нигилистовъ», какъ невѣрной по своей сущности, такъ и отдѣляющей русское революціонное движеніе отъ всего цивилизованнаго міра.

Тутъ не мѣсто излагать подробно все содержаніе нашихъ разговоровъ съ подателемъ письма; мы скажемъ лишь ровно столько, сколько нужно для уясненія идей той среды, изъ какой вышло и это письмо, и его податель. На предложеніе «склонять въ пользу русскихъ революціонеровъ общественное мнѣніе въ З. Европѣ», мы отвѣчали указаніемъ на то, что и прежде, при всякой возможности, мы сообщали въ разныя изданія свѣдѣнія о положеніи Россіи и о ея революціонномъ движеніи, если не прямо въ пользу русскихъ революціонеровъ, то противъ ихъ врага, русскаго правительства *). Мы заявили, что впредь мы съ ра-

*) Какъ на послѣднее сообщеніе въ такомъ родѣ мы указывали на листокъ: «A l'opinion publique des peuples civilisés», изданный нами во время ареста г. Гартмана и перепечатанный множествомъ журналовъ Европы, Америки и колоній.

достью готовы увеличить число такихъ сообщеній, если намъ доставлены будутъ матеріалы, особенно, напр., архивъ, о которомъ говорилось въ письмѣ. Но взять на себя спеціальную миссію посредника между какою бы то ни было русскою партіей и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, мы не могли, такъ какъ, оставивши даже въ сторонѣ крупныя теоретическія разногласія наши съ существующими русскими фракціями, мы ни къ какой русской партіи не принадлежимъ и, по нашей спеціальной работѣ для нашей украинской родины, и принадлежать не можемъ. Мы совѣтовали Ж—ву и друзьямъ его выступить передъ западно-европейскою публикою прямо, воспользовавшись какимъ либо случаемъ или статьями о дѣлахъ русскихъ въ заграничныхъ изданіяхъ, — при чемъ можно было бы прямо и рѣшительно выступить и противъ клички: нигилисты и также рѣшительно устранить усердныя объятія мало знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, откровенно поставивъ передъ разными партіями въ Европѣ, соціалистическими какъ и не соціалистическими (само собою

разумѣется, также какъ и передъ т. н. обществомъ и народомъ въ Россіи), ту политическую задачу, которая наложена въ Россіи на активныхъ соціалистовъ обстоятельствами, въ какихъ находится эта страна, — и не смущаться, что эта задача дѣйствительно теперь оказывается болѣе либеральною, чѣмъ соціалистическою въ з. европейскомъ смыслѣ, что она похожа на ту, которую выполнили либералы въ Англіи въ XVII в., во Франціи въ XVIII в., въ Германіи въ первой половинѣ XIX в. Мы полагали, что, при такой постановкѣ дѣла на чистоту, здравомыслящая часть соціалистовъ на Западѣ не потеряетъ къ нему сочувствія, а въ то же самое время движеніе въ Россіи найдетъ себѣ дѣятельное сочувствіе и среди искреннихъ людей всѣхъ лѣвыхъ партій на Западѣ, особенно въ радикальныхъ партіяхъ Италіи, Англіи и Америки *).

---

*) Такъ какъ вопросъ этотъ не потерялъ своего значенія и теперь, то мы, при семъ случаѣ, попросимъ у благосклоннаго читателя немножко терпѣнія для прочтенія настоящаго примѣчанія. Такой харак-

Обращая вниманіе своего собесѣдника на то, въ какомъ направленіи могло бы идти желанное Ж—вымъ «склоненіе на сто-

---

теръ обращенія не только, такъ сказать, къ отъявленнымъ соціалистамъ, но даже шире, чѣмъ ко всѣмъ лѣвымъ партіямъ, носятъ (если не считать прокламаціи Исп. К. во время ареста Гартмана, въ подлинности которой мы нѣсколько сомнѣваемся) прокламація Исп. Ком. «къ европейскому обществ. мнѣнію» послѣ убіенія Александра II и недавнее воззваніе къ сборамъ въ пользу «Общ. Кр. Кр. Н. Воли». Послѣднее могло бы производить особенно сильное впечатлѣніе, если бы дѣло не было испорчено неудачной формальной его постановкой, какъ заграничнаго явнаго отдѣленія россійскаго тайнаго общества!!! Россійскіе инціаторы этого предпріятія, сдѣлали эту ошибку, конечно, главнымъ образомъ, по незнанію условій европейской жизни, но ихъ заграничные друзья обязаны были указать имъ эту ошибку, — и тогда упомянутое дѣло имѣло бы несомнѣнный успѣхъ, какъ денежный, такъ и значеніе крупной демонстраціи европ. общ. мнѣнія противъ русскаго абсолютизма. Конечно, заграничные друзья «Н. Воли» допустили вышеупомянутую ошибку не только по несообразительности, но и потому, что не вошли въ основную, совершенно новую для многихъ «русскихъ соціальныхъ революціонеровъ» мысль «народовольцевъ» обращаться не къ однимъ только «оффиціальнымъ» кружкамъ соціалистовъ-революціонеровъ, —

рону» революціонеровъ въ Россіи общественнаго мнѣнія въ З Европѣ, мы указывали и на необходимость провѣрки, сообразно з. европейскимъ научнымъ идеямъ и соотвѣтственнымъ имъ привычкамъ общества,

---

но ко всѣмъ «друзьямъ свободы» и даже ко всѣмъ «людямъ сердца». Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было въ данномъ случаѣ, но очевидно, что въ послѣднее время, начиная съ парижскаго ареста Гартмана, «русскіе соціалисты революціонеры», особенно «народновольцы» приблизились на практикѣ къ такой точкѣ зрѣнія, которую мы изложили выше въ текстѣ. Но съ теоретической стороны эта точка зрѣнія, затрогивающая важный вопросъ о союзахъ между партіями, которыхъ не всѣ стремленія одинаковы, — встрѣчаетъ еще горячія возраженія. Мы не имѣемъ мѣста пускаться въ разборъ этихъ послѣднихъ, но пригласимъ читателя подумать самому надъ такими, напр., соображеніями: если осуществленіе идеала соціализма требуетъ несомнѣнно самаго широкаго развитія въ людяхъ привычекъ с о г л а с о в а н і я между собою, — то откуда возьмутся въ обществѣ эти привычки, если каждая партія, считающая себѣ болѣе прогрессивною, будетъ прежде всего рвать тѣ нити, которыя выработались уже между людьми предъидущею исторіей борьбы ихъ съ началами реакціонными, — а не сохранять эти нити, конечно, вовсе не отказываясь отъ дальнѣйшаго движенія?

и многихъ теорій и дѣйствій, исходившихъ въ послѣднее время изъ среды русскихъ соціальныхъ революціонеровъ и выдававшихся, по обыкновенію русскихъ кружковъ, за общепартіонныя дѣйствія и теоріи. Такъ, мы считали необходимымъ старательно провѣрить съ точки зрѣнія европейскихъ научныхъ соціально-политическихъ теорій, — которыя не могли не быть въ общихъ чертахъ вѣрны и въ Россіи,—многія заявленія и пріемы т. н. «народничества», такія дѣйствія, какъ, напр., самозванщина, и, наконецъ, обращали вниманіе нашего собесѣдника на то дурное впечатлѣніе, какое производятъ на общество въ Европѣ, — какъ и въ Россіи, —всякія «благочестивые обманы» (pia fraudes), особенно кражи съ революціонными цѣлями, да еще съ покушеніями на убійства (см. особенно кіевскіе процессы о покушеніяхъ на почты и полковые ящики). Мы полагали, что для Исп. Ком. настоитъ необходимость выдвинуть на болѣе видное мѣсто п р и н ц и п ы своего дѣла и рѣшительно разорвать со многими проявленіями эквилибристики и эмпиристики (конечно, съ благими цѣлями) «народниковъ» и слишкомъ уже «практи-

ческихъ» революціонеровъ *). Все это, полагали мы, Исп. Ком. могъ бы сдѣлать прямыми декларацiями къ обществу въ Россіи и за границей, безъ всякихъ посредниковъ, роль которыхъ свелась бы развѣ на обязанность помочь распространенію этихъ деклараций въ разныхъ странахъ.

Мы лично соглашались охотно принять на себя подобную обязанность; если же Ж—овъ и товарищи его хотѣли отъ насъ роли «комментатора», то, — говорили мы, —

*) Нѣчто подобное сдѣлано въ декларацiи Исп. Ком. по поводу слуховъ о поступленiи въ его распоряженіе денегъ, украденныхъ въ Воспит. Домѣ, — но, къ сожалѣнію, во первыхъ, слишкомъ поздно и, во вторыхъ, все таки не достачно категорично (см. о томъ нашу замѣтку въ 21 № «Вольнаго Слова»). Вообще, какъ этимъ заявленіемъ, такъ и другимъ по поводу смерти Гарфильда, посланіями къ Александру III и къ европ. общ. мнѣнію—Исполн. Ком. показалъ присутствіе у него здороваго чутья относительно настоящаго своего положенія и интересовъ своей группы, но все таки не обнаружилъ достаточной смѣлости радикально разорвать съ старой кружковой фразеологіей и тѣми, такъ сказать, хвостами «р. революціонной партіи», которые, только вредятъ ей и своимъ неумѣлымъ усердіемъ, и своей «нигилистячей» болтовней.

мы могли бы только продолжать начатую уже роль комментатора возможно объективнаго, т. е., свободнаго историка и критика какъ дѣйствій русскаго правительства, такъ и разныхъ группъ революціонеровъ въ Россіи. Быть же комментаторомъ субъективнымъ — мы отказывались тѣмъ болѣе, что, какъ можно было судить, по крайней мѣрѣ, по всему, что тогда и передъ тѣмъ печаталось и говорилось отъ имени русскихъ соц.-революціонеровъ и террористовъ (начиная отъ прокламаціи «Смерть за смерть» и оканчивая брошюрою г. Тарновскаго «Терроризмъ и рутина», написанною противъ нашего листка «Терроризмъ и свобода», и брошюрою Н. Морозова «Террористическая борьба», о которыхъ намъ довелось говорить въ послѣдующихъ бесѣдахъ нашихъ съ довѣреннымъ Ж—бова), — между мнѣніями русскихъ террористовъ и нашими (которыя мы выражали нѣсколько разъ съ 1878 г., начиная съ «Листка Громады») существовали крупныя различія. Въ противность названнымъ листкамъ и брошюрамъ, которые говорили отъ имени цѣлой партіи, мы находили, что русскій тер-

роризмъ, т. е., собственно политическія убійства (т. е., нѣчто совершенно отличное даже, напр., отъ извѣстнаго терроризма французскаго), есть только реакція русской правительственной системѣ, — вполнѣ естественная, но все таки патологическая, какъ и система, его породившая,—реакція вполнѣ понятная, а потому и оправдываемая (по изреченію: comprendre, c'est pardonner), но вовсе не нѣчто такое, что можно возводить въ теорію и систему, а еще менѣе—нѣчто такое, въ чемъ бы можно было видѣть извѣстный новый и универсальный способъ политической борьбы. Такой взглядъ свой мы считали не только болѣе вѣрнымъ теоретически, но и болѣе практичнымъ, по его вліянію на общество, которое прежде всего нужно приводить къ сознанію необходимости бить не по оглоблямъ, а по коню, т. е. по русскому правительству. Взглядъ же теоретиковъ и систематиковъ терроризма мы считали за вредный, какъ потому, что онъ, справедливо возмущая общественную совѣсть, наклонялъ ее въ пользу правительства, такъ и потому, что онъ создавалъ въ русскомъ обществѣ, и безъ того воспи-

танномъ въ привычкахъ субъективнаго произвола, новые прецеденты крайне опасные для будущей политической жизни и борьбы партій, такъ, наконецъ, и потому, что оправданіе произвола (а что въ основѣ террористическаго ученія лежитъ идея личнаго произвола, это мы считаемъ за аксіому) притягиваетъ къ партіи личности сомнительныя, которыя непремѣнно окажутся вредными ей же, какъ болтливый и нечистый хвостъ, а то и просто, какъ предатели*). Вотъ почему, при всемъ уваженіи къ энергіи и самоотверженію активныхъ русскихъ террористовъ, при всемъ убѣжденіи, что избранныя личности изъ нихъ, согласно положенію: «чистому все чисто», съумѣютъ пронестись надъ всѣми опасностями теоріи исключительныхъ мѣръ и партіонной нравственности**), мы,

*) Собственно, и теорія «священныхъ обмановъ» есть только видъ того же ученія, которое лежитъ въ основѣ террористической теоріи, т. е., ученія, которое ставитъ критеріумомъ дѣйствій личный произволъ.

**) Это теперь и подтверждается интересными подробностями біографій Желябова, Перовской, Гриневецкаго и Кибальчича

при всякомъ проявленіи русскаго «террора», а особенно при попыткѣ возвести его въ теорію, — считаемъ необходимымъ, конечно, прежде всего нападать на русское правительство, но затѣмъ бороться также и съ возведеніемъ «террористической борьбы» въ принципъ.

Все это мы изложили, конечно, гораздо обстоятельнѣе, нашему собесѣднику.

Къ нѣкоторому нашему удивленію, товарищъ Ж—ва обнаружилъ гораздо большую близость къ нашимъ идеямъ, нежели къ воззрѣніямъ названныхъ прокламацій и брошюръ террористовъ-теоретиковъ. (Наше удивленіе происходило, между прочимъ, оттого, что мы тогда не достаточно знали, что распространенная у россіянъ манера говорить не отъ себя лично, а отъ цѣлой партіи—вовсе не означаетъ существованія дѣйствительныхъ на то полномочій. Послѣ мы имѣли случай наглядно убѣдиться, что не только личности, во всякомъ случаѣ почтетенныя и съ заслугами въ своей партіи, какъ гг. Морозовъ и Тарновскій, но и всякій досужій можетъ, благодаря запасу развязности въ однихъ россіянахъ и

пассивности въ другихъ, влѣзать на трибуны, то депутатскія, прокурорскія, адвокатскія, и говорить какъ будто заправская «уполномоченная особа»). Особенно рѣшительно возставалъ товарищъ Желябова противъ возведенія политическихъ убійствъ въ универсальное средство и приложенія ихъ въ странахъ, пользующихся извѣстной политической свободой. Его слова, а также заявленія, какія намъ удалось слышать отъ нѣкоторыхъ другихъ испытанныхъ русскихъ революціонеровъ того же лагеря, — дали намъ право сдѣлать въ горячее время заявленіе въ такомъ родѣ въ брошюрѣ: «Le Tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale» (ст. 11, примѣчаніе *)). Что собесѣдникъ нашъ передалъ вѣрно мнѣнія своей группы, — это подтвердилось потомъ

---

*) «Quant aux terroristes russes proprement dits, nous pouvons affirmer, de la manière la plus positive, que plusieurs d'entre eux sont d'avis que les assassinats politiques sont complétement superflus et inutiles dans les Etats où les citoyens jouissent de la liberté politique.

заявленіемъ «Н. Воли» по поводу смерти Гарфильда. Но, почти соглашаясь съ нами въ принципахъ, товарищъ Желябова былъ другаго мнѣнія относительно практичности критическаго отношенія ко всѣмъ заявленіямъ и дѣйствіямъ русскихъ революціонеровъ; — критику онъ называлъ полемикой и находилъ ее во всякомъ случаѣ несвоевременной, такъ какъ она-де ослабляетъ значеніе партіи и можетъ быть принята и ея сторонниками, и ея противниками за борьбу противъ партіи и даже противъ ея цѣлей. (Нельзя пропустить безъ вниманія, что какъ человѣкъ благовоспитанный и съ достоинствомъ и, въ добавокъ, какъ человѣкъ, лично бывавшій въ огнѣ, собесѣдникъ нашъ не говорилъ ни слова о неумѣстности критики «въ виду свѣжихъ могилъ мучениковъ» и т. п.). Мы, конечно, отвѣчали на это, что надо имѣть больше довѣрія къ здравому смыслу общества (революціонеровъ и мирныхъ обывателей), который различитъ свободную критику отъ «бросанія грязью»,—и что критика, если она хочетъ имѣть какое либо практическое значеніе, должна раздаваться именно «въ

горячую минуту», а не тогда, когда событія станутъ достояніемъ «Русской Старины». Но все таки собесѣдникъ нашъ остался неубѣжденнымъ съ этой стороны.

Гораздо большія разногласія оказались у насъ по одному, чрезвычайно въ нашихъ глазахъ важному предмету, котораго мы должны были коснуться, обсуждая первый запросъ, обращенный къ намъ въ письмѣ Ж—бова: сказать наше мнѣніе о напечатанной программѣ его группы, — а также дойдя до предложеній: «принять участіе въ злобѣ дня родной страны» и сотрудничать въ «Н. Волѣ». Относительно участія въ злобѣ дня вообще, мы отвѣтили, что, принимая во вниманіе изреченія: «знай, сверчокъ, свой шестокъ» и «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ» и проч.,— мы, какъ литераторъ ремесломъ, и не можемъ принимать инаго участія въ злобахъ дня, кромѣ литературнаго, при чемъ направляемъ нашъ трудъ главнымъ образомъ именно на р о д н у ю с т р а н у (Украину въ Россіи и Австро-Венгріи), не чуждаясь, конечно, и злобъ дня одного изъ тѣхъ г о с у д а р с т в ъ, въ которое попала значительная часть этой

страны*). Но тутъ то именно намъ и пришлось указать, что въ программѣ группы Желябова нѣтъ и помину о нашей родинѣ и ея народѣ (какъ и вообще о невеликорусскихъ краяхъ и народахъ Россіи), да и вообще вопросъ областной, федеративный слишкомъ затертъ, — а это, говорили мы, тѣмъ болѣе жаль, что безъ признанія федеративнаго начала не возможно не только основать дѣйствительную политическую свободу въ Россіи, но и вызвать въ ней какое нибудь широкое движеніе къ достиженію этой свободы. Вотъ объ этихъ вопросахъ мы съ радостью предлагали написать въ «Н. Волю». Собесѣдникъ нашъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, иныхъ мнѣній. Уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, упо-

*) Мы много разъ встрѣчались у «русскихъ» съ такимъ отношеніемъ къ работамъ для Украины, по которому эти работы являлись вовсе не дѣломъ, а, если не фантазіей и прихотью, то во всякомъ случаѣ чѣмъ то второстепеннымъ, котораго можно и не замѣчать, если не прямо сожалѣть о немъ, какъ объ отклоненіи отъ «настоящаго дѣла». Не беремся судить, на сколько въ любезномъ приглашеніи къ намъ Ж—ва «принять участіе въ злобѣ дня» отразилось это отношеніе.

мянутый нами выше членъ «Земли и Воли», человѣкъ, котораго мы глубоко уважаемъ, откровенно сказалъ намъ въ подобномъ же разговорѣ (онъ тоже приглашалъ насъ писать въ «Землю и Волю»), что онъ «рѣшительно не понимаетъ цѣли поднятія вопроса о разнонаціональномъ составѣ Россіи при вопросѣ о революціи въ ней, даже политической». Теперь членъ «Нар. Воли», въ видѣ крайней уступки намъ,—говорилъ: «можетъ быть, Вы и правы, но мы вовсе не такъ убѣждены въ конечной необходимости принципа федеративнаго въ томъ дѣлѣ (борьбы за политическую свободу), которому мы предались».

Таковы были и его послѣднія слова, сказанныя намъ передъ отъѣздомъ въ Россію, куда онъ, по обстоятельствамъ, не могъ взять нашего письма въ отвѣтъ Ж—бову, а взялся передать наши отвѣты на словахъ. Какъ онъ передалъ ихъ и какъ они были встрѣчены, объ этомъ мы не узнали. Теперь мы знаемъ, что Ж—бовъ былъ слишкомъ занятъ «дѣломъ 1 Марта», чтобъ думать о другомъ. Мы узнали объ арестѣ Ж—бова и о 1 Марта почти въ одно вре-

мя и поспѣшили выполнить нѣкоторыя изъ его просьбъ, какъ велѣла намъ наша совѣсть: рѣчью на женевскомъ международномъ собраніи 18 Марта 1881, поводъ къ которой дала намъ присланная на наше имя изъ Парижа для прочтенія на собраніи депеша отъ французскихъ анархистовъ къ «русскимъ нигилистамъ», а также брошюрой «Le Tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale». Послѣдняя не понравилась многимъ соціалистамъ-революціонерамъ, русскимъ и западнымъ, но къ крайнему нашему удовольствію и, какъ, надѣемся, читатель повѣритъ намъ, вовсе не самолюбивому,— рѣчи Суханова, Исаева, (отчасти и самого Желябова) и письмо Исп. Ком. къ Александру III, оказались, по своимъ основнымъ идеямъ, не очень удаленными отъ того взгляда на значеніе террористическаго движенія въ Россіи, который высказанъ въ этой брошюрѣ. Мы твердо убѣждены, что такія рѣчи, какъ Сухановская, и такія статьи для Запада, какъ статья кн. П. Крапоткина въ «Fortn. Review», гораздо болѣе послужатъ въ пользу политическаго переворота въ Россіи,

чѣмъ прежніе опыты возведенія терроризма въ теорію, да еще универсальную.

Но возвратимся ближе къ письму Желябова. Въ началѣ его онъ упоминаетъ о двухъ нашихъ личныхъ съ нимъ встрѣчахъ. О нихъ стоитъ сказать два слова. Первую встрѣчу мы только потому можемъ признать, что о ней говоритъ самъ Ж. Произошла она у нашего стараго знакомаго, когда то ревностнаго украинофила, а въ то время (въ 1873 г.) столь же ревностнаго «впередовца» (мы о немъ вспоминали на стр. 359—360 «Ист. Польша и Велик. Демократія»). Мы зашли къ нему отдать отчетъ въ исполненіи одной просьбы его и его сожителя. Оба хозяина приняли насъ въ первой комнатѣ, а въ другой сидѣли нѣсколько тѣхъ «нигилистовъ», о которыхъ говоритъ письмо Ж—ова, и среди которыхъ былъ, какъ оказывается, и его авторъ. Хозяева насъ съ «нигилистами» не познакомили. Разговоръ нашъ съ хозяевами мало по малу перешелъ на темы, на которыя мы сцѣплялись съ однимъ изъ нихъ нѣсколько разъ еще въ Цюрихѣ, — а именно: 1) не слѣдуетъ ли теперь въ Россіи доби-

ваться прежде всего политической свободы и 2) могутъ ли что либо сдѣлать существеннаго на югѣ Россіи т. наз. тогда «радикалы», не заимствуя чего либо у т. наз. «украинофиловъ»? Мнѣнія наши, о которыхъ читатель, конечно, догадывается, оспаривались хозяевами квартиры. «Нигилисты» же, сидѣвшіе въ другой комнатѣ и по временамъ входившіе въ первую то за чаемъ, то за табакомъ, молчали, но, видимо, были не на сторонѣ «конституціоналиста» и «узкаго націоналиста». И молчали то «нигилисты», видимо, потому что считали лишнимъ даже опровергать «такую ерунду».

Другую встрѣчу съ Ж—ымъ, въ 1875 г., мы отлично помнимъ. Мы видѣлись нѣсколько разъ. Въ первый разъ мы увидѣли его на собраніи полугласнаго комитета, который занимался собираніемъ денегъ и отправкою волонтеровъ въ Герцеговину (это было за годъ до оффиціознаго Черняевскаго похода). Двое сербовъ, трое украинцевъ (одинъ австрійскій), одинъ полякъ (интересный человѣкъ, о которомъ тоже стоило бы разсказать, теперь умершій, Магеръ) и Желябовъ, уже притянутый къ процессу, — что послѣ

былъ названъ 193-хъ,—но оставленный на волѣ,—вотъ каковъ былъ составъ этого комитета. Я допущенъ былъ въ собраніе, какъ участникъ другаго подобнаго комитета (но совершенно негласнаго и сплошь украинскаго по составу, въ другомъ городѣ). Желябовъ былъ очень оживленъ и, по окончаніи дѣловой части засѣданія и по уходѣ двухъ лицъ, не такъ «своихъ», — началъ очень интересный разговоръ съ Магеромъ о холодности польской молодежи къ проявлявшемуся тогда въ Россіи соціалистическому движенію и объ изолированности ея (Объ этомъ см. въ біографіи Гриневецкаго, «На Родинѣ», № 1, стр. 46—47). Магеръ указывалъ на то, что для поляковъ слишкомъ важенъ національно-политическій вопросъ, чтобъ они могли, подобно русскимъ, отдаться чисто экономическому соціалистическому направленію. — «Ну, такъ ставьте свой національно-политическій вопросъ!» — приставалъ Ж. — Да! легко сказать: ставьте! замѣтилъ я. Да, вѣдь для этого надо опредѣленно знать: что собственно такое польская нація? А вѣдь вы знаете, что на этомъ вопросѣ, главнымъ образомъ, и срѣзалось польское движеніе 1863 г. Вотъ те-

перь поляки чувствуютъ, что повторить старое движеніе нельзя, а въ то же время не имѣютъ отваги выйти на совсѣмъ новыя дороги, отказавшись отъ Польши исторической и выступая только за Польшу этнографическую. Да и эту не освободите, стоя на точкѣ сепаратистической, на которой стояли въ 1863 г., а только при общемъ федеральномъ движеніи въ Россіи. А это опять слишкомъ новая для поляковъ точка».

Магеръ былъ слишкомъ хорошо знакомъ со своими соплеменниками, чтобъ спорить противъ этого, и слишкомъ былъ порядочный человѣкъ, чтобъ отдѣлываться фразами, а потому долженъ былъ частенько отмалчиваться, когда неугомонный Желябовъ, подхвативши нашу постановку вопроса, продолжалъ наступать на него, говоря, что надо же, наконецъ, рѣшиться на что нибудь и выйти на новыя дороги, обязательно требуемыя обстоятельствами. Украинцы присоединились къ Желябову. Магеръ скоро ушелъ;—уходя онъ дружески пожалъ всѣмъ намъ руки и приговорилъ: «на все, господа, нужно время! »

— Вотъ они всегда такъ! съ злой усмѣшкой сказалъ Желябовъ, обращаясь къ намъ, — и мы должны были успокоивать его, доказывая, что и въ самомъ дѣлѣ: на все нужно время....

Отзывчивость Желябова на живой вопросъ, какимъ было въ 1875—76 г. герцеговинское возстаніе, въ противуположность отрицательному отношенію къ нему доктринеровъ русскаго «оффиціальнаго» соціализма, я не разъ вспоминалъ послѣ, — и она вполнѣ объясняетъ для меня тѣ «новшества», которыя говорилъ Ж—въ на Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ 1879 г., не боясь клички «конституціоналиста», которая была для «старыхъ нигилистовъ» 1873 г. ругательствомъ, чуть не равнымъ по силѣ «подлецу». Видѣвъ своими глазами эту способность Ж—ва къ «новшествамъ» и читая о ней примѣры въ его біографіи, мы невольно спрашиваемъ себя: что, если бы онъ остался живъ, — хватило ли бы у него отзывчивости и еретической смѣлости, чтобъ разорвать теперь и съ оффиціальной доктриной «единой и нераздѣльной» революціи въ Россіи, какъ онъ разорвалъ

въ свое время съ доктриной «оффиціальн
го», незапятнаннаго «политикой» соці
лизма?....

Изъ брошюръ о Желябовѣ и его тов
рищахъ выходитъ, что многіе изъ ни
потому только обратились къ «централиз
ціи», что видѣли въ ней синонимъ «дисципл
ны». «Централизація» у нихъ была, значит
— кромѣ всего прочаго, о чемъ мы
разъ говорили, — также и реакціей пр
тивъ той «анархіи», которую многіе р
сіяне поняли совсѣмъ не по Прудоновск
а очень уже по дворянски, въ смыслѣ св
боды каждому барону практиковать св
фантазію, лишь бы она была болѣе или м
нѣе краснаго цвѣта. Но какъ будто Фед
рализмъ, къ которому Прудонъ на пра
тикѣ сводилъ свою ан-архію, исключает
дисциплину, а не есть наиболѣе удобн
для людей форма организаціи, съ непремѣ
ною дисциплиною?!

М. Драгомановъ.

Genève, Imprimerie de: *La Parole libre*, Chemin Dancet.